

Таким образом, ПФ – многоаспектное, динамически развивающееся явление, отражающее изменение идеологии, менталитета народа, языковой картины мира. Изучение данной проблемы представляет не только теоретический интерес, но имеет большое значение в практике преподавания русского языка как иностранного.

С.И. Дубинин

ПИСЬМЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ УЗУС ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ЛОКАЛЬНЫХ МЕТАЯЗЫКОВЫХ ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОКОВ

Самарский государственный университет

На раннем этапе своего становления (XV–XVI вв.) немецкий литературный язык был представлен в *письменно-литературной* форме, существуя, по мнению сторонников полицентрической модели, акцентировавших широту наддиалектной базы общенемецкого литературного идиома, в виде территориальных разновидностей (вариантов). Общенемецкий литературный язык является в своей генетической основе своеобразным *альянсом* восточно-средненемецкого и юго-восточного компонентов при участии почти всех значительных языковых ландшафтов.

Для объективации признаков позднесредневековых письменнo-литературных региональных узусов особое значение имеет характер их фиксации лингвистическими источниками, в частности, в рукописных/печатных “нормативных” текстах: учебных пособиях, грамматиках, письмовниках, риториках и т.п., и их оценка современниками – представителями наиболее коммуникативно значимой в письменном дискурсе группы образованных. Хотя метаязыковые высказывания и стереотипы исторически разнородны, лабильны и субъективны, они необходимы при объективации, например, трудно экстраполируемых на основе рвнн. графики единиц фонетического уровня, а также при определении их престижности [2, S.16].

Д.Йостен выделяет для конца XV и первой половины XVI вв. в качестве релевантных типы оценки языковых приоритетов: 1) территориальный критерий, 2) авторитет языковой личности, лучших авторов/писателей, 3) социальный авторитет источника, 4) институциональный авторитет (учреждения, организации и т.п.) и 5) образцовость лингвистических признаков [3, S.11–12]. Например, для юго-запада, как и, в целом, в позднесредневековой Германии, преобладающим является первый тип оценки, а остальные имели вторичное

значение. В качестве “авторитета учреждения” однозначным было первенство “языков канцелярий”, в первую очередь, имперской, а имманентные языковые аргументации проецировались исключительно в сферу орфографии. Основным видом источников таких оценок являлись примечания к художественным текстам, переводам, переизданиям, а также публицистика, уставы, хроники [3, S.19, 216].

Исследователи отмечают увеличение, начиная с XVI века, общего числа метаязыковых высказываний о региональных письменно-языковых формах [4, S.1727]. Но эти оценки нельзя отрывать от контекста высказываний в защиту родного языка, роста его престижности в письменной сфере в противовес засилью латыни, раннего пуризма, где выделяются, как это не парадоксально, голоса гуманистов юго-запада (И.Рейхлин, Э.Чуди, С.Франк и др.), одновременно пропагандировавших и латинское наследие.

Языковая рефлексия родного идиома в конце XV-XVI веков отмечена весомым регионально-специфическим компонентом в сравнительном или контрастивном планах: 1) родной → неродной говор/язык, 2) региональный → инорегиональный письменный язык [5, S.179, 190]. Исследователи определяют [3, S.69], что на юго-западе, лидирующем в XVI веке (в XV веке здесь фиксируются только два источника) по числу метаязыковых данных, устанавливается шкала преобладающей положительной языковой оценки регионально-языковых образцов: Hochdeutsch (indifferent): + 9, Alemannisch: + 7, Meißnisch: + 4, Schwäbisch: + 4/-2, Augsburgerisch: + 2, Fränkisch: + 1¹.

Обилие метаязыковых высказываний с положительной оценкой региональных форм являлось вероятной защитной реакцией, в частности, на юго-западе, против начинающейся экспансии сюда общенемецкого “предстандарта” [6, S.18]. Здесь в спектре общих положительных оценок “алеманского” как *равноправного* другим территориальным идиомам отмечается их принадлежность исключительно автохтонным источникам до 1600 года, отстаивающим провинциализм своего языка.

Характерно, что источники из соседнего Эльзаса не выделяются особыми видами оценки или обозначением своего субрегионального идиома. Обозначение “elsasser sprochen” фиксируется в конце XIV века, но уже Я.Вимпфелинг пишет в “Германии” (1501 г.) о территориально-языковом единстве швейцарцев и эльзасцев.

Положительная оценка “швабского” и “аугсбургского” как региональных идиомов тоже имела особенности. Они наименее определен-

---

¹ Цифры указывают число зафиксированных в местных источниках высказываний, *курсивом* отмечены идиомы, непосредственно относящиеся к юго-западному ареалу.

ны, более редки, принадлежат автохтонным авторам/источникам и часто коррелируют с оценкой „Gemeines Deutsch“ (т.е. юго-восточного варианта). Примечательно появление и негативных оценок “швабского”.

В субстанциональном плане все метаязыковые оценки, в первую очередь, маркируют фонетико-орфографические особенности, являясь по своему характеру констатациями, но, не различая часто устные/письменные формы языка. Это неразличение базируется на устойчивом до эпохи начала формирования общенемецкого литературного идиома отождествлении стратификационного статуса форм существования языка в оппозиции “региолекты (диалекты) → национальный (стандартный) язык”, обозначаемых современниками единым понятием “unsere Landsprache(n)” [6, S.35].

В характеристике конкретных признаков узуса юго-западного варианта первенство принадлежит *швейцарским* гуманистам и просветителям (первые лингвистические трактаты по германистике, посвящая по риторике, публицистика). С.Зондерэггер классифицирует все “языковые рефлексy” о языке юго-запада с точки зрения их субстанциональности по трем группам: 1) регистрирующие языковые особенности, 2) дифференцирующие (особенно для Швейцарии) и 3) историзирующие языковые различия [10, S.20-22].

Региональная доминанта в метаязыковых констатациях швейцарцев неслучайна, как и появление на рубеже XVI века понятия “eidgenossische spraach”. Языковое сознание конфедератов отмечено отчуждением от “языка империи” по политическим причинам. На метаязыковые оценки швейцарцев накладывал отпечаток и внутриполитический фактор — появление романского населения в составе конфедерации и потребность в лингво-политическом самоутверждении и лидерстве немецкоязычного большинства как носителей “eidgenossische spraach”. Некоторые швейцарские реформаторы-радикалы активно оперировали понятием “язык конфедератов”.

По мнению Г.Трюмпи, понятие “язык конфедератов” было уже в 1520-е гг. маркировано скорее конфессионально, и реально имело отношение к узусу Цюриха как центра цвинглианства [8, S.15]. До конца XVI века оно устойчиво употребляется в сочинениях швейцарских публицистов, литераторов и просветителей, реже у печатников, но не только у протестантов, но и у католиков.

Подводя итог, С.Зондерэггер полагает, что “метаязыковые данные” не дают целостной картины юго-западных (как, впрочем, и швейцарских) особенностей письменно-языкового узуса XV- XVI вв., а скорее констатируют его реальную открытость и интерферируемость инорегиональными влияниями [10, S.24-25]. Это отличало юго-западный узус от более устойчивых территориальных вариантов, например, от нижненемецкого.

Поскольку в ареале юго-запада имел значительное распространение юго-восточный узус („Gemeines Deutsch“), интересна его оценка представителями местной письменно-литературной традиции. Констатируя его стабильно высокий статус на всем немецком юге до 1550-х гг. (заключение Аугсбургского религиозного мира), К.Матайер отмечает многозначность и лабильность этого понятия у современников: 1) немецкий язык вообще в противовес латыни или иностранным языкам, 2) “простой/понятный язык” в контрасте с вычурными канцелярским слогом и переводческим стилями изложения современников (в первую очередь гуманистов) и 3) престижная наддиалектная форма общенемецкого языка [11, S.42]. Именно оттенки 2-го и 3-го значений, ни одно из которых нельзя признать доминировавшим, чаще реализуются в высказываниях юго-западных авторов, содержащих метаязыковые оценки „Gemeines Deutsch“.

Второе значение характерно, например, для сочинений “младших” гуманистов-литераторов, для некоторых первопечатников-экспортеров и авторов учебников. Третье значение имело 3 оттенка: а) верхненемецкий язык в противоположность нижненемецкому, швейцарско-немецкому и нидерландскому, б) надрегиональный язык авторитетных канцелярий, судов, венского и княжеских дворов, в) письменный верхненемецкий язык и “язык печатников”, в частности, с доминантой в Аугсбурге [12, S.57-58].

Хронологически актуализацию этих значений можно определить лишь условно. Например, появление третьего значения в предисловиях и колофонах аугсбургских печатников фиксируется в 1500-1510-е гг. (период зарождения Реформации). Негативная оценка “Gemeines Deutsch” конфедератами также не была устойчивой.

Примечательно, что преобладающей формой при обозначении Германии как лингвокультурного и политического единства в юго-западных источниках, в частности, и у гуманистов и некоторых литераторов, до 1510-х гг. остается “teutsche lande”, хотя „Deutschland” широко фиксируется уже в 1496 году. В XV веке “Gemeines Deutsch”, имея территориальную основу в культурном пространстве Аугсбург — Нюрнберг без четких политических коннотаций, приобретает стигматизацию “имперского канцелярского” символа политики имперско-австрийской власти Габсбургов. К середине XVI века престижность в регионе соседнего юго-восточного “Gemeines Deutsch” как “имперского и католического” снижается, но увеличивается престижность территориально отдаленного восточно-средненемецкого узуса (“наш протестантский”, “язык Лютера”).

В целом, имея в виду также узус юго-запада до середины XVI века, следует согласиться с мнением О.Райхмана, что рывн. период характеризуется в плане локальных языковых оценок современниками —

представителями социо-коммуникативных групп, использующих в ситуации диглоссии различные региональные письменные идиомы и их комбинации, как “лишенный вертикальной доминанты” [14, S.1625-1626]. Неактивность нормализационных процессов в XV-XVI вв. лишала соответствующего компонента и метаязыковые оценки, делая их “рассеянными”, что делает необходимым корректировку данных метаязыковых оценок и обращение при определении константных признаков юго-западного и других узусов к данным исторической ареальной лингвистики [1, С.66-70].

Библиографический список

1. Дубинин С.И. Немецкий литературный язык позднего средневековья: юго-западный ареал. Самара, 2000.- 200 с.
2. Frühneuhochdeutsche Grammatik / Hrsg. von R.P.Ebert u.a. – Tübingen, 1993. – 562 S.
3. Josten D. Sprachvorbild und Sprachnorm im Urteil des 16. und 17. Jahrhunderts. – Frankfurt/Main – Bern, 1976. – 326 S.
4. Reiffenstein I. Metasprachliche Äußerungen über das Deutsche und seine Subsysteme // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung / Hrsg. von W.Besch u.a. – Berlin – N.York, 1985. – 2 Halbband. – S.1727-1750.
5. Sonderegger St. Die Vielschichtigkeit des Sprachbewußtseins in frühneuhochdeutscher Zeit // Das Frühneuhochdeutsche als sprachgeschichtliche Epoche / Hrsg. von W.Hoffmann u.a. – Frankfurt/Main, 1999. – S.175-208.
6. Möller R. Regionale Schreibsprachen im überregionalen Schriftverkehr. – Köln – Wien – Weimar, 1998. – 361 S.
7. Reiffenstein I. Landsprache und Mundart // Dialektographie und Dialektologie / Hrsg. von W.Puschke u.a. – Marburg, 1989. – S.347-352.
8. Trümper H. Schweizerdeutsche Sprache und Literatur im 17. und 18. Jahrhundert. – Basel, 1955. – 390 S.
9. Kluge Fr. Von Luther bis Lessing. Aufsätze und Vorschläge zur Geschichte unserer Schriftsprache. – 5. Aufl. – Leipzig, 1918. – 315 S.
10. Sonderegger St. Frühneuhochdeutsch in der Schweiz // Vielfalt des Deutschen. Festschrift für W.Besch / Hrsg. von K.J.Mattheier u.a. – Frankfurt/Main – Berlin, 1993. – S.11-36.
11. Mattheier K.J. „Gemeines deutsch“ – ein Sinnbild der sprachlichen Einigung // Begegnungen mit dem „Fremden“. Akten des VIII. Internationalen Germanisten-Kongresses. Tokyo 1990 / Hrsg. von E.Jwasaki. – München, 1991. – Bd. 3. – S.40-48.
12. Werbow S.N. Das gemeine Teutsch. Ausdruck und Begriff // Zeitschrift für deutsche Philologie. – Berlin, 1963. – Bd. 82. – №112. – S.44-63.
13. Reichmann O. Diagonalisierung des Frühneuhochdeutschen // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung / Hrsg. von W.Besch u.a. – 2. Aufl. – Berlin – N.York, 2000. – 2 Halbband. – S.1610-1647.
14. Reichmann O. Sprache ohne Leitvarietät vs. Sprache mit Leitvarietät: ein Schlüssel für die nachmittelalterliche Geschichte des Deutschen? // Deutsche Sprachgeschichte. Festschrift für J.Erben / Hrsg. von W.Besch. – Frankfurt/Main, 1990. – S.141-158.